

© 1995 г.

В.В. ИВАНОВ

СИСТЕМНЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРИРОДУ «ДЕДОВЩИНЫ»

ИВАНОВ Владимир Васильевич — кандидат физико-математических наук, доцент Российского химико-технологического университета им Д.И Менделеева (Новомосковский филиал). В нашем журнале публикуется впервые

После работ И.В. Меркулова [1] и И.И. Марченко [2] много говорить о социально-политической значимости «дедовщины» не приходится. Для армии как социального организма «дедовщина» во многом подобна в социологическом и социально-психологическом смысле СПИДу. Сходство, конечно, условное. Для мирного времени признаки «дедовщины» отчетливы; для условий войны, как показывает весь афганский опыт, ее проявления сходят почти на нет. В этом смысле замечание о связи «дедовщины» с социальными переустройствами в стране [1] кажутся вполне естественными. Однако здесь совсем не помешает осторожность в подобных утверждениях, ибо они так или иначе влекут за собой риск растворения конкретного, характерного только для армии явления в общем потоке тенденций к изменению социальной ориентации и переоценки ценностей. Если и говорить о «дедовщине», то только в связи с внутренней социологией армии, ведь обсуждаемое явление — совсем не свойство времени. Со временем оно лишь меняет название, сохраняя гипертрофию сартровского межличностного общения [3, 4] в среде самого «низа» армейской иерархии.

Работы [1] и [2] используют в анализе неуставных отношений совершенно различные подходы, а вот перечни обнаруженных причин их появления в той и другой по существу не отличаются. Видимо, за этим скрыты либо интерактивность выделенных факторов, либо существование категорий причинности большей обобщенности, разложениями которых и

служат перечни причин неуставных отношений. В позитив последнему можно отнести взгляд авторов этих работ на армию как социально изолированную целостность с жестко регламентированными в соответствии с иерархией отношениями. В представлении социального пространства [5, 6] такой взгляд открывает возможность для системного подхода к анализу неуставных отношений и, в частности, «дедовщины», чему и посвящена предлагаемая работа,

Любое армейское подразделение с размером не менее роты как система подразделяется на типовые по структуре внутренних отношений подсистемы; рота -на взводы, батальон -на роты, полк - на батальоны и т.д. Каждая подсистема представляет собой формальную группу с собственным управляющим звеном, назначение которого в уставном порядке ограничено двумя функциями: обеспечения целостности системы управления подсистемой, ориентированной на выполнение уставных норм в ней, и реализации команд вышестоящих по иерархии управляющих звеньев.

Уставное межличностное общение для- индивида из управляющего звена (офицеры, прапорщики, сержанты) асимметрично по признаку паритетности в иерархии и двойственно по отклику на команды с верхних уровней иерархии. Он безоговорочно подчинен индивиду из управляющего звена верхнего уровня, например, командир роты в указанном смысле имеет заниженный паритет в уставном общении с командиром батальона. В то же время его паритет в общении с любым индивидом из подсистем нижнего уровня, подчиненных ему в уставном порядке, непрерываемо завышен. Командиры взводов и отделений безоговорочно должны выполнять все приказы командира роты, которой тот командует. Команды, поступающие от управляющих звеньев верхних уровней, не обсуждаются и обязательно принимаются к исполнению. Однако конкретные задачи, связанные с реализацией содержания команды, индивид из подсистемы нижнего уровня, которому адресована команда, должен решать сам. Асимметрия паритетности общения и двойственность отклика индивида сохраняются для всех уровней иерархии, кроме нижнего. У рядового паритет уставного межличностного общения предельно низок. Исключая случаи назначения старшим группы или команды, он только исполняет приказы звеньев управления. Это обстоятельство имеет определенную значимость в понимании природы «дедовщины».

Второе не менее важное обстоятельство, также относящееся к детерминантам «дедовщины», связано со стратификацией в обычном и социальном пространствах индивидов из подсистем всех уровней армейской иерархии, и а особенности ее нижнего уровня. Любой индивид в уставном порядке может быть перемещен из подразделения в подразделение, возможно даже с различными местами дислокации. В том же уставном порядке индивид перемещается и в социальном пространстве. Без его на то согласия он может быть повышен в должности или звании, таким же порядком может быть понижен в должности или разжалован, введен в элитарную группу или выведен из нее. Все перемещения в обычном или социальном пространстве осуществляются звеньями управления по команде из верхних слоев иерархии. Для индивида из звена управления вторая детерминанта, как и первая, имеет признак двойственности: он может сам оказаться под ее воздействием, но может и инициировать ее воздействие на индивида из нижнего уровня иерархии. В результате вторая детерминанта единообразно действует во всем армейском социальном пространстве, кроме ее нижнего уровня, где индивид может оказаться под ее воздействием, но сам в уставном порядке не может его инициировать по отношению к другому индивиду.

Вся система уставных отношений, как видно из сказанного выше, образует жесткий каркас ограничений степени свободы индивида в обычном и социальном пространствах. Именно это обстоятельство ассоциируется с «государством в государстве». Однако такую квалификацию армии нельзя принимать даже как гиперболизированную. Армия — всего лишь подсистема общегосударственного аппарата, подсистема с определенным назначением и поэтому с определенным внутренним регламентом отношений. В строгом смысле наличие специфических уставных отношений нельзя считать отличительным признаком армии. Таким же или почти таким, быть может, несколько умягченным признаком обладает любая подсистема любого института социализации индивида. Взять хотя бы, производственную группу. Организационно-технологические нормы в ней требуют специфических межличностных отношений, определенных технологией производства. Те же нормы стратифицируют ее членов во внутреннем социальном и обычном пространствах [7, 8]. Судя по всему, последнее, равно как и стратификационная специфика в сочетании с особенностями межличностного общения в уставных условиях не выводят на причинность «дедовщины». Здесь речь идет всего лишь о внешнем по отношению к индивиду статусе группы, членом которой он является.

«Эмоциональная изолированность — тяжелое испытание для всякого человека, но в сочетании с фрустрацией она превращается в бедствие» [9]. Нет нужды в богатом воображении для того, чтобы представить себе ощущения молодого человека, неожиданно-негаданно оказавшегося под воздействием первой и второй детерминант «дедовщины», выделенных выше. После мало ограниченной свободы межличностного общения на «гражданке» жесткие нормы уставного общения представляются, выражаясь терминологией Питирима Сорокина [10], подавляющими личность репрессиями внешнего статуса. Его стратификационные нормы - посягательством на свободу. Результат — эмоциональная изоляция, фрустрация, вызванные непредсказуемостью повелительных (воздействий) сержантской элиты. Здесь не повредит немного личностной конкретики в духе позитивизма Огюста Конта.

В течение последних двух лет нами проводился неявный опрос демобилизованных солдат и сержантов. Общий объем выборки составил около двухсот человек. Скрытая в нейтральных беседах тема — конкретика «дедовщины». Прежде всего обратим внимание на внешнюю эстетику только что вернувшихся из армии ребят. Первое, что бросается в глаза, - это стремление к *пародированию* уставной формы: затасканные - прощу прощения — штаны и китель с надраенными пуговицами, новыми погонами с новыми эмблемами рода войск и сержантскими лычками или форменная фуражка, продранная тельняшка и наглаженные уставные брюки, из-под которых видны, возможно, умышленно разодранные кеды. В группах «дембелей» отчетливы возбужденность, хмель и агрессивность. Иначе как празднованием свободы все это назвать нельзя, за этим всего лишь радостное ощущение сброшенной тягостности уставных норм.

Теперь статистика мнений. Практически все респонденты считают основной мотивационной причиной проявлений «дедовщины» противопоставления в армейской иерархии. Высшие офицеры противопоставляют себя младшему офицерскому составу, те в свою очередь — сержантам. Глядя на все это и постоянно ощущая действие противопоставлений, «старики» противопоставляют себя «салагам». Примерно 80% опрошенных считают «дедовщину» не личностным, но групповым явлением, называя ее «мафией в армии». Отмечу, что все это свойственно далеко не только нашей армии. Видимо, природа «дедовщины» по крайней мере слабо связана с концепцией профессионализма, а вот групповые признаки, указания на извращенную корпоративность бросаются в глаза.

Итак, фрустрированный подавляющим воздействием внешнего статуса, уставных и неуставных норм общения в армейской иерархии индивид оказывается в эмоциональной изоляции. Прямое следствие - попытки самоубийства, побег. Но у большинства молодых солдат фрустрация вызывает стремление к поиску выхода из перенасыщенного негативными эмоциями и чувством одиночества положения. Молодость зовет к межличностному общению, к контактам на уровне общечеловеческой паритетности с себе подобными. Буберовская диада Я—Ты не признает ни уставных отношений, ни жесткой принадлежности к той или иной подсистеме [11]. Отсюда — «самоволки», но не только они. Межличностное общение вызывает довольно интенсивную коммуникативность между подсистемами, приводит к появлению горизонтальных по отношению к оси армейской иерархии связей. Тут и сержантская корпоративность, и землячества, и просто хорошие отношения между людьми. Вот отсюда и начинается все самое интересное.

Внешний армейский статус не признает эмоциональностей, буберовского межличностного общений равноценных Я и Ты. Уставные отношения и только уставные отношения. С Другой стороны, паритетное межличностное общение не признает званий, должностей, уставов и уставных отношений. Внешний статус армии и межличностное общение оказывается в альтернативном отношении, причем альтернатива явно дилеммного, взаимоисключающего характера. А ведь вся армейская иерархия, все ее уровни и подсистемы буквально пронизаны горизонтальными связями буберовского типа. Иначе говоря, иерархическая система армии внутренне противоречива и конфликтна.

Здесь едва ли уместны эмоции, попытки выработки концепций реорганизации армии, скоропалительные приказы и распоряжения с грозными «устранить», «подготовить к завтра перечень мероприятий по борьбе» и т.п. По существу в сказанном содержится хорошо известная социологическая истина: армия -целостность с собственным социумом. Весь комплекс уставных норм — его, так сказать, писаная часть» официально в юридическом смысле фиксирующая внешний статус с иерархией и уставными отношениями. Нормы межличностного общения образуют неписаную часть социума, отвечающую признакам: «так принято», «так делают все», «живем, как все»- Для индивида писаная часть социума может быть приемлемой или неприемлемой. Взять, хотя бы, нынешнее отношение к сути

реформирования нашего государства. Все наше общество разделилось на две социально большие группы. Одни приемлют идею перехода к капиталистическим отношениям, другие — нет. С появлением в стране людей с достатком появилась и организованная преступность, жаждущая получения в свое распоряжение части этого достатка. В результате в горизонтальных сечениях иерархии появляются социальные группы, неприемлющие весь социум или какую-либо его часть. На начальной стадии формирования, группы внутренне связывают индивидов межличностным общением с некоторым акцентированным признаком, например, «старики» и «салаги» в армии. Дальнейшая динамика развития групп приводит к их структурированию на признаке личностной активности, в них появляются лидеры и лидирующие подгруппы. В этом смысле «дедовщина» совсем не отличима от коррупции или организованной преступности.

Лидеры и лидирующие подгруппы канонизируют отношения и ориентацию в группе. В результате в ней появляется внутренний статус, обеспечивающий жесткость группы как социального образования. По существу к этому сводится механизм образования или появления «дедовщины». Сартровский характер отношений в армейской иерархии с его обязательными личностными противопоставлениями воспринимается рядовым составом как сорокинские репрессии, направленные на подавление личной свободы. Такое восприятие ориентирует межличностное общение, что и приводит к «дедовщине». Здесь нужно отметить, что невыполнение признака двойственности первой и второй детерминант для рядового состава, на которое неоднократно обращалось внимание выше, генерирует неуставные отношения с сартровскими противопоставлениями.

Механизм такой генерации довольно прост. В ответ на завышение паритетности сержантским составом в уставных межличностных отношениях рядовые нового набора расслаиваются на две не одинаковые по размеру подгруппы: выжидающих лучших времен и более-менее активно протестующих, но равно неприемлющих завышение паритетности [1]. Из индивидов первой подгруппы средствами второй детерминанты отбирается пополнение сержантского состава взамен ушедших в запас. Перемещение в социальном пространстве еще вчера равных со всеми только усиливает неприятие уставных норм активным индивидом из второй подгруппы — работает стремление к самоутверждению неустоявшегося, до конца неформившегося Я у молодых. Для индивида из первой подгруппы весь комплекс первой, второй детерминант и сартровских противопоставлений — прецедент и одновременно инструментарий управления подсистемой. Как видно, такой механизм работает непрерывно, его смысл в традиционности. Воздействует он равно на все уровни иерархии, кроме ее самого «низа». Именно здесь все социально обострено, и именно здесь берет свое стартовое начало «дедовщина».

«Дедовщина» далеко не всегда — социальная группа. Она обитает в межличностном общении между «стариками» и «салагами», между рядовыми и сержантами. Для сержантов ее мотивационной основой служат первая и вторая детерминанты, для «стариков» она имеет определенно выраженный фацилетационный характер с определяющим мотивом «так делают все и вы так будете делать». Социальная фацилстация — не только свойство отношений двух нижних уровней иерархии. Она берет свое начало в гипертрофии уставных отношений во всей системе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Меркулов И.В. Происхождение и сущность «дедовщины» в армии // Социс. 1993. № 12, С. 109.
2. Марченко И.И. К вопросу о генезисе и сущности неуставных взаимоотношений // Социс. 1993. № 12. С. 112.
3. Sartre J.R. L'Être et le Néant. Paris, 1960. 312 p.
4. Каган М.С. Мир общения. МЛ: Политиздат, 1988. 3т6 с.
5. Сорокин П. Социальная стратификация и мобильность // Человек, цивилизация, общество. М.: Полит, литература, 1992. С. 295—543.
6. Lewin K Field theory in social science. N.Y., 1964. 196 p.
7. Иванов В.В., Лебедева Т.А. Одна общая причина сложных отношений в коллективе. М.: МХТИ. Деп. в ИНИОН, N4342/90. 12 с.
8. Иванова Т.А., Иванов В.В. Конструктивность и деструктивность групповой динамики, вызванной внешним воздействием. Красноярск: Полиграфист, 1991. 35 с.
9. Horney K. The neurotic personality of our time. N.Y.: Norton, 1937. 211 p.
10. Сорокин П. Социология революции // Человек, цивилизация, общество. М.: Полит, литература, 1992. С. 266—543.
11. Buber M. Urdistaz und Bereihung. Heidelberg: Beitrage zu einer philosophise hen Antrophologic, 1978. 235 s.